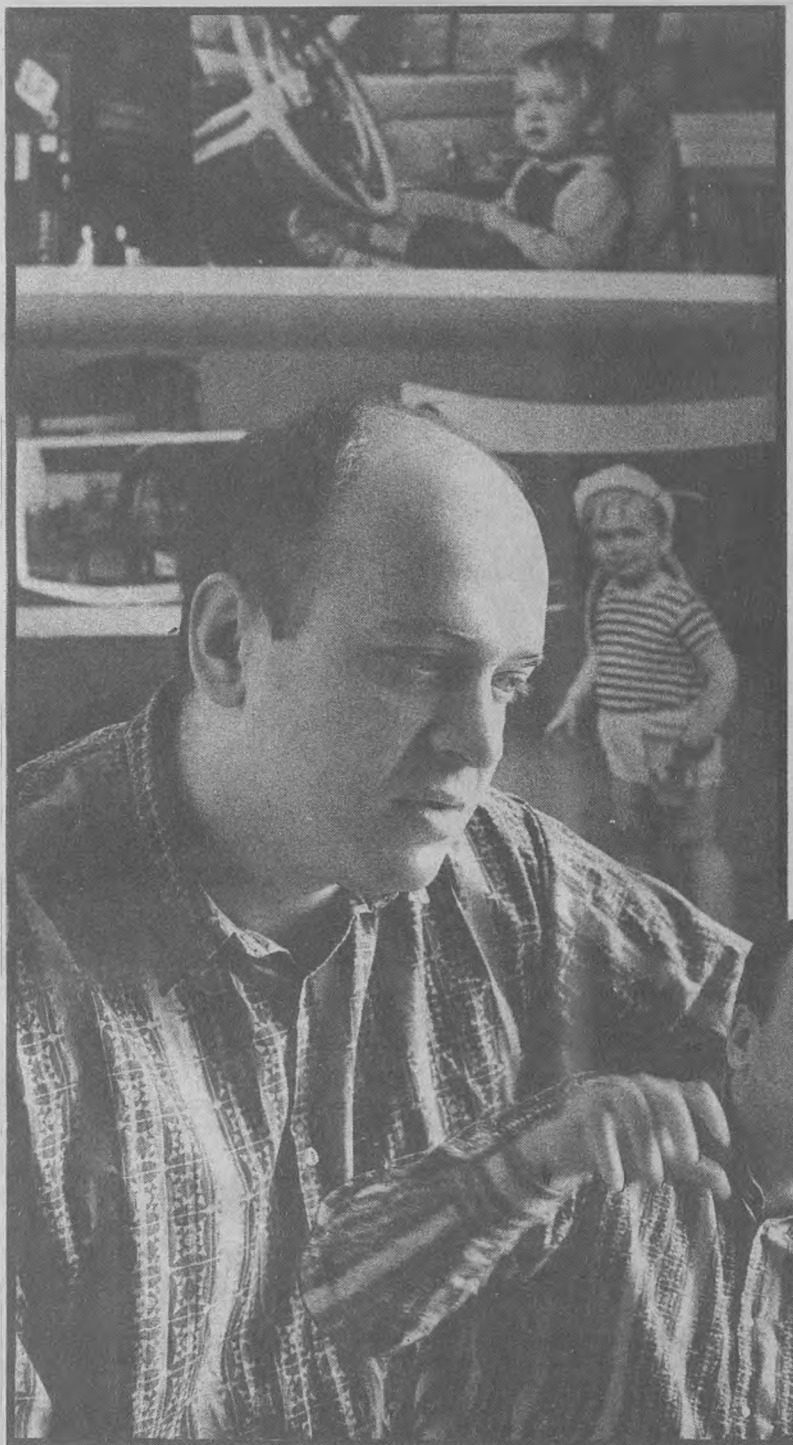

НЕСЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ

ЧЕ- ЛО- ВЕК

Денис ЕВСТИГНЕЕВ — сын Галины Волчек и Евгения Евстигнеева — снял свой первый фильм в качестве режиссера. Он называется «Лимита» («V.I.P.» — первоначальное название) и будет показан в ближайшие дни на фестивале «Кинотавр» в Сочи.

Мама — знаменитый театральный режиссер и великолепная актриса. Отец — народный артист СССР, целая эпоха в советском театре и кино. Дед Борис Волчек, известный оператор, был профессором ВГИКа. Жена — Катя Гердт, дочь люби-

мейшего всеми актера, неувядающего Зиновия Гердта. Но, думаю, сейчас пришло то время, когда Галину Борисовну Волчек, представляя, будут называть: «Это — мать Дениса Евстигнеева». Она — не обидится. Она, конечно, будет счастлива. Потому что солидный стартовый капитал в лице знаменитых предков — это как вытянутая вверх рука с птенцом. А дальше — куда уж он полетит: взмоет вверх, упадет камнем вниз или будет барахтаться, цепляясь лапками за родительскую длань. И тут уж самая громкая родитель-

ская известность — бессильна.

— Денис, в окружении таких театраль-но-кинематографических родственников ваша судьба была predetermined. Оставалось только выбрать между театром и кино...

— Кино — это моя страсть еще с детства. Я умирал от желания быть в кино. Я не пропускал премьер, бегал в «Иллюзион», смотрел все, что удавалось посмотреть из зарубежных фильмов. А театр — это был мой второй дом, я там пропадал за кулисами, всех знал, и потому театр не был для меня тайной. Я видел Золушку, которая только что перекусывала в буфете, отчитывала сына за двойки... Нет, театр как будущая профессия никогда меня не привлекал.

— По-моему, сейчас мы присутствуем при историческом моменте — рождении нового кинорежиссера. Пять дней назад вы закончили свой фильм, и его почти никто не видел. Расскажите, о чем ваш фильм?

— Это совершенно невозможно. На представлении к «Кинотавру» нужно было изложить идею фильма в четырех предложениях. Мы сидели вдвоем — мама, Катя и я, исписали целую тетрадку, а идею так и не выразили полностью. А вообще это фильм о том, что происходит со всеми нами. Это попытка посмотреть на нашу сегодняшнюю московскую жизнь.

— А что с нами происходит?

— Происходят колоссальные изменения. Сменилась эпоха, люди, отношения между людьми. Раньше наша жизнь с рождения была запрограммирована — премия в конце года, отпуск в Ялте, школа, институт, а потом аспирантура и так далее. Сейчас никто не знает, что будет завтра. Жизнь перестала зависеть от решений партии или бюрократов. Жизнь стала зависеть только от тебя самого, а творчество стало чистым соревнованием. Для меня лично — это прекрасно, потому что я сам решаю, что снимать, где снимать...

— А на что снимать?

— И это тоже. Я нашел продюсера, который любит кино, поверил в меня и вложил деньги в создание фильма.

— Сколько же это стоит?

— Около миллиона долларов.

Режиссер — это человек, который как бы ничего не делает. Найдет деньги, придумает сценарий, соберет людей,

которые делают свою работу лучше, чем он сам. И режиссеру только и остается — не мешать им всем работать. Вообще, кино — это усилие многих людей, создающих единое целое. Я до сих пор, когда смотрю хороший фильм, не знаю, как это сделано.

— У вас есть любимые фильмы?

— Ну, конечно. Много. Я люблю «Блоуп», «Пролетая над гнездом кукушки», абсолютно всего Бертолуччи, фильмы Вайды, Кончаловского люблю — то, что он делал до отъезда. Выдающийся режиссер

Никита Михалков.

— А не страшно вам было, почитая такие имена, самому брать за режиссуру?

— Что значит страшно? Режиссура — это такая же профессия, как любая другая. Я очень благодарен родителям, которые отговорили меня поступать на режиссерский факультет. Режиссер — возрастная профессия, опыт — профессиональный и жизненный — играет здесь решающую роль.

— Кто повлиял на вас больше: отец или мать?

— Родители разошлись, когда мне было три года. Поэтому, естественно, влияние отца было минимальным. В последние годы его жизни, когда я стал уже взрослым, мы общались чаще. Он стал мудрее и сентиментальнее, его радовали мои мелкие успехи. У нас были хорошие отношения.

— Галина Волчек — прекрасный режиссер. Но мне ужасно жаль, что она как актриса осталась нереализованной. На мой взгляд, это талант уровня Фаины Раневской. Вы не хотели бы снять ее в своем фильме?

— Я не смог бы. Это для меня слишком сентиментально.

— Вы — не сентиментальный человек?

— Нет. Но хочу, чтобы на экране было сентиментально. Кино — это ведь большой обман, как всякое искусство. И если в тебе чего-то нет, то хочется воплотить это в творчестве.

— Ваша мать — очень сильная личность. Трудно жить рядом с таким незаурядным человеком...

— Какая-то борьба у нас всегда происходила. Я, видимо, во многом похож на нее, хотя она говорит, что между нами нет ничего общего.

Да, она очень сильный человек. Столько лет держать очень сложный творческий коллектив — это непостижимо. А с другой стороны, я знаю, какая она слабая женщина. Она может плакать над фильмом, она много боится, ее страшит то, что происходит в стране, что ждет всех нас завтра... Вот это сочетание силы и слабости делает маму в моих глазах человеком уникальным.

— Что вы не можете простить близким людям?

— Теперь уже такого нет. Жизнь учит быть терпимым. Доброта и терпимость — это, по-моему, самое главное.

— Как вы относитесь к стеланиям некоторых пессимистов по поводу того,

что люди перестали ходить в кино, кинозалы пусты, что режиссеры снимают фильмы, а их никто не смотрит?

— Это ерунда. Существует целая профессия, которая работает на то, чтобы люди пришли в кино. В нашей стране прокат — убыточное дело, это самое слабое место в отечественной кинематографии. Мы год снимали фильм во Франции, и я наблюдал, как там построена эта система. Там люди поют в кинотеатры, за билетами стоят огромные очереди. Глядя на эти очереди, между прочим, хочется работать, снимать и снимать.

— Вы не боитесь, что ваш фильм не увидят?

— Я постараюсь, чтобы его увидели. Чтобы вернуть деньги, затраченные на фильм, ему нужен прокат на Западе. Это колоссально сложно, ведь у меня не снимались звезды мировой величины и вообще это первый фильм никому не известного режиссера.

— Нужна хорошая реклама...

— Да. Какая? Ну, что-то вроде: «Новое

Главная задача режиссера — собрать команду и не мешать ей работать.

12—13 □ Собеседник 21'94

молодое кино России» или: «Новые русские». Нужно показывать его на фестивалях, компаниям, дистрибьюторам...

— А кто снимался в вашем фильме?

— Две главные мужские роли играют молодые актеры Володя Машков и Евгений Миронов, оба они из театра-студии Олега Табакова. Героиню играет Кристина Орбакайте.

— Вы жили год во Франции. А оставшаяся там навсегда у вас не было в мыслях?

— Зачем? Мне в этой стране хорошо. Слава Богу, сейчас настали времена, когда человек может выбрать, где ему жить, работать или отдыхать. Снимать кино сейчас выгодно на Западе — я имею в виду экономически. Цены у нас стали выше европейских, а стены и техника — старые.

— Вы хотели бы снять фильм в Голливуде?

— А кто бы этого не хотел? Кто не хочет, тот лукавит. Но пока я знаю только одного русского режиссера, который снимал в Голливуде — это Андрей Кончаловский.

— Вы завистливый человек?

— Нет. Я могу восхищаться работой других, но завидовать? Нет.

— Но есть же какая-то планка, которую вы себе ставите? Ну, например, снять фильм лучше, чем Бертолуччи...

— Мне не нравится, когда планку ставят очень высоко, а потом до нее не дотягивают. Лучше установить планку пониже, чтобы потом с запасом ее перепрыгнуть. Не надо каждый раз замахиваться на Достоевского. Уж если ты берешься детектив, делать его надо так, чтобы люди два часа сидели с открытым ртом. В этом есть определенная честность.

— Денис, а что вас в жизни больше всего огорчает?

— Только личное, только то, что касается моих взаимоотношений с близкими. Мне кажется, жизнь вообще должна состоять из этого. Не надо сильно огорчаться из-за чего-то глобального. Когда люди огорчаются из-за чего-то неличного, они идут стенка на стенку. Вообще, думать надо только о своей семье, ну еще о десяти близких людях, а не о человечестве, не о массах в целом. Не надо бороться за счастье миллионов. Тогда все будут добры и никто никого не будет убивать.

— У вас есть враги?

— Не знаю... Ненависть — это очень сильное чувство, я свои силы не могу на это расходовать.

— Вы, конечно, помните свой первый фильм. С какими чувствами вы вспоминаете первый кинематографический опыт?

— Счастье. Невероятное счастье. Я уже снял дипломную работу на операторском факультете ВГИКа, но еще не защитил, когда меня пригласили работать в Одессу на фильм «Сказки старого волшебника». Я снимал фильм, защищал диплом, ушел в армию. И меня, как Деточкина в «Берегись автомобиля», привозили из армии на съемки в Одессу...

А потом он работал оператором у Лунгина, Абдрашитова, в 1990 году получил высший российский кинематографический приз — «Нику» за «Такси-блюз». Потом он начал снимать как режиссер. Но с этого, собственно, мы и начали наш рассказ.

Ольга БЕЛАН.
Фото Михайла СЕРДЮКОВА.